

Диву даешься, вспоминая о разнообразии ролей, сыгранных Андреем Мироновым. Велосипедкин в «Бане», Присыпкин и Олег Баян в «Клопе», Фигаро в «Женитьбе Фигаро», Хлестаков в «Ревизоре», Чацкий в «Горе от ума»... Но и Всеволод Вишневский в спектакле «У времени в плену», Фридрих Энгельс в фильме «Год, как жизнь»...

Поражает несходство его героев. Может быть, это заложено в его актерской природе — пробовать себя в самых неожиданных ролях! Чтобы познать неизведанное, открыть нечто новое как в себе, так и в создаваемом образе. Далеко не каждый артист с устоявшейся репутацией готов идти на такой риск.

И в беседе с Мироновым — та же смена состояний: то он вспыльчив, то ироничен, то замкнут — и сразу же радушен, внимателен.

— Свои достоинства, — говорит Андрей Александрович, — я вижу в том, что люблю и хочу работать. Недостатки? В суетливости, которую вижу сам лучше других: возможно, это от темперамента.

Его родители — Мария Миронова и Александр Менакер — блестящие мастера эстрады, создавшие театр двух актеров. Андрей рос и воспитывался в атмосфере их творческих интересов, в их художественной среде. Но есть случайность в том, что Миронов стал артистом именно театра Сатиры.

— Я закончил Щукинское училище и очень хотел стать артистом Театра имени Е. Вахтангова. В то время там собралась кочка прекрасных актеров молодого поколения — Борисова, Гриценко, Ульянов, Яковлев. Меня в эту труппу не взяли... Зато взяли в театр Сатиры. Сегодня я не представляю себя в другом театре, без двадцатилетнего содружества с главным режиссером театра В. Н. Плучеком, со многими прекрасными, высокопрофессиональными актерами.

— Что значит «актерский профессионализм»? Умение хорошо петь, танцевать, ясно говорить? Но этому учат в институте, а как известно, только московские театральные вузы выпускают ежегодно более ста актеров. Речь идет, видимо, еще и о каких-то свойствах личности, которые по своему дополняют обычные профессиональные навыки. Кстати, именно свойствами личности отличаются многие наши универсальные актеры...

— Универсальный актер — не совсем правильный термин. Это скорее комплимент, нежели отражение сути дела. И все же: может ли быть актер «универсальным»? Может. Не секрет, что большинство актеров, которые интересны зрителю, стараются максимально использовать свои возможности. Этому способствуют телевидение, кинематограф, существенно расширившие рамки актерской профессии. Важно только, чтобы драматический актер оставался убедительным и в музыкальном спектакле (а их в последнее время становится все больше).

Вот и я тоже исполняю песни, играю в музыкальных спектаклях, фильмах. Но как чтец я себя не испытывал: художественное слово представляется мне искусством несколько статичным. В то же время не могу не признать, что меня покорила увлеченность С. Юрского, Т. Дорониной, В. Ланового, А. Калыгина художественным словом. Их чтецкие программы всегда интересны. И при этом они остаются прекрасными театральными актерами. Не могу не восторгаться Л. Гурченко, А. Фрейндлих, К. Райкиным. Это удивительные актеры. Экцентрика у них переходит в драму, драма в фарс, фарс еще во что-то и так до бесконечности. Может быть, они и являют пример универсальности?

Я заметил, что об актерах, играющих порой невероятно скучные роли, говорят тем не менее со значением. А о тех,

Андрей МИРОНОВ:

ЛЮБЛЮ И ХОЧУ РАБОТАТЬ



кто чаще предстает «комиком», могут небрежно отозваться: «Да он все «труляляшки» выдвывает». Несправедливо это. В душе каждого актера живет тоска по несбывшейся, сокровенной роли. И, может быть, приближением к ней и являются все наши такие разноплановые, непохожие роли, которые мы подчас играем, стремясь вырваться из повседневной тематики, из повторяемости будней, чтобы с головой окунуться в яркое, неординарное зрелище.

— Мне кажется, что вы также один из тех актеров, кто являет собой пример универсальности.

— Насчет себя не знаю, но вот ведь какой прекрасный, удивительный артист Станислав Любшин! Как мало в нем «актерства»! Когда я смотрю фильмы с участием Любина, невольно думаю о том, как он естествен во всем, что делает. Мне даже кажется, что я бы так не сумел сыграть... Откуда это у него? Может быть, оттого, что Любшин оказался долгое время как бы вне театра, работая в основном в кино? Театр предполагает совершенно другой накал чувств, нежели кинематограф — чтобы чувства «перехлестнули» рампу. А когда в кинокамеру начинаешь «хлестать» те же чувства, они становятся неправдоподобными. Находить всякий раз эту невидимую меру чрезвычайно трудно. Пожалуй, только Иннокентий Смоктуновский, Михаил Ульянов, Анатолий Папанов, Олег Ефремов умеют на должной высоте совмещать работу в театре и кино.

— Мне, однако, кажется, что этому уровню вполне отвечает ваша новая работа на

сцене — роль Лопухина в «Вишневом саде» А. П. Чехова.

— Убежден, что актер должен играть все, а не только то, что ему кажется близким. Главное, ответить для себя на вопросы: против чего я? Что для меня в этой роли является основным? Надо выразить это основное, а не просто изобразить. Как бы надевая на себя лик Лопухина, я внутри остаюсь все же самим собой. Нет, Лопухин мне не близок. Но как в человеке нового, зарождающегося класса, бесспорно, талантливым, я вижу в нем трагическое

осознание того, что он должен быть таким, каков он есть.

Классические роли не могут быть привилегией одного актера. Исполнять, трактовать их, наверное, можно по-разному. Однако при любой интерпретации недопустимо искажение литературного первоисточника. Чем крупнее писатель, тем больше простора дает он актерской фантазии в заданной ситуации, образах. Только в тесном союзе с автором может родиться интересный, оригинальный, узнаваемый характер. Хотелось бы, чтобы таким стал и мой Лопухин. Я пытаюсь прожить его жизнь, его ощущения. «Быть этим человеком, а не казаться» — вот что для меня важно.

— Именно этот принцип вы положили, как мне кажется, и в основу работы над совершенно противоположным во всех отношениях образом Мэхита в «Трегрешовой опере» Б. Брехта.

— Знаете, из того, что я видел в детстве на сцене, меня потрясло, как играла актриса «Берлинского ансамбля» Елена Вайгель в спектакле Брехта «Матушка Кураж». Это была настоящая школа переживания — Вайгель играла все «по-Станиславскому»: не «показывала» свою героиню, а проживала ее жизнь. Так я представляю себе Брехта, так и играю в его пьесе.

— Вспоминаю ваших героев из фильмов — Гену Козодоева в «Бриллиантовой руке», Диму Семичетова в «Берегись автомобиля», «маркиза» в «Достоянии республике», Орландо в новой картине «Сказка странствий». Еще в самом начале вашего творческого пути главный режиссер театра Сатиры Валентин Плучек сказал про Миронова: «Он сможет все — от Хлестакова до Гамлета». Пожалуй, вы и сыграли все, кроме пока Гамлета...

— Мне повезло: мой интерес и то, что я играл, почти всегда совпадали. Разве можно не мечтать о ролях в пьесах Гоголя, Грибоедова, Островского, Чехова, Маяковского? Хотелось бы сыграть еще и Обломова, но его уже прекрасно сыграл в кино Олег Табаков... Вот что, однако, важно. В жизни каждого актера неизбежно наступает переходный возраст, когда кончаются одни роли, а новых пока нет. Их надо искать. Это процесс сложный. Для многих болезненный. Есть актеры, которым никак не удается найти себя в новом возрастном качестве. И они уходят со сцены или из кино на многие годы. Может, я преждевременно бью тревогу? Но, ду-

мается, нельзя двигаться вперед путем, уже как бы выверенным предыдущими удачами.

Популярность — коварная спутница нашей профессии. Она часто приводит к самоуспокоенности. Это и своего рода аванс, который выражается в желании видеть, в частности, меня как артиста, всегда веселым, жизнерадостным, сильным, неунывающим, преодолевающим сложности с улыбкой. А что, если я возьмусь за другие образы, которые не совпадают со зрительским ожиданием? Воспримут ли их? Мне интересно было сниматься в картине Ильи Авербаха «Фантазии Фарятьева», хотя я уверен, что восемьдесят процентов зрителей ждут от меня совершенно другого. Но артист не должен делать только то, что ожидает от него зритель.

Скажу откровенно: попытки режиссеров кино изменить меня до неузнаваемости мне очень нравятся. Увести от нарабатанных штампов, помочь найти в себе новые грани, возможно, — не это ли самый верный стимул дальнейшей успешной работы? Я благодарен режиссеру А. Герману за работу в фильме «Начальник опергруппы», снятом по повести Юрия Германа «Лапшин». Роль писателя в этом фильме — принципиально новая и важная для меня. Как, впрочем, и роль Николая Порываева из фантастической комедии «Блондинка за углом» режиссера В. Бортко.

Кстати, поскольку меня считают актером комедийным, мне часто в канун праздников звонят корреспонденты и просят рассказать этакое веселое... И я начинаю судорожно вспоминать. И, представьте себе, опять и опять убеждаюсь, что ситуация, смешная в жизни, бывает совсем не смешной в кино, на сцене. Это я к тому, как трудно играть комедии... И все-таки смех — это прекрасно. Говорят, женщины быстро стареют, когда много смеются. Не верю! Люблю людей, умеющих заразительно смеяться. Уверен, что смех в соединении с искусством может каждого изменить к лучшему. Улыбка — свет души человека.

— Итак, вы ищете своего нового героя?

— Точнее: новых героев. Тем и прекрасна наша профессия, что призывает людей на лучшие дела и поступки. Может быть, поэтому меня все больше тревожит появление фильмов, спектаклей, в которых авторы плетут кружева вокруг сюжета, а призыва зрителей к социально-значимым действиям нет. Я же мечтаю о героях полнокровных, честных, смелых в своей гражданской позиции. Таким стал для меня образ Всеволода Вишневского в спектакле «У времени в плену». Есть два способа жить: один — с постоянной оглядкой, компромиссом, другой — навсегда отказавшись глушить в себе «души прекрасные порывы». Только так и стоит жить. Такую жизнь прожил и Всеволод Вишневский. Искусству сейчас как никогда нужна интересная, незаурядная личность героя. Не схема, не изваяние, а человек, поступки которого можно сверить с собой, с другими людьми.

Андрей Миронов продолжает искать — это и есть творчество. Что обещает он нам впереди? Переход на новые роли? Надеюсь, произойдет это органично, как и все, что делает Миронов. Сейчас он снимается в роли американского журналиста Брайта в новом фильме Евгения Матвеева «Победа» по одноименному роману А. Чановского.

Беседу вел
Андрей ЛЕБЕДЕВ.